

Цандун, увидев это, была в полном замешательстве. Она не была рядом с ними прошлой ночью, поэтому не знала, почему её господин вдруг начал капризничать. Однако не стала спрашивать, только неуверенно посмотрела на свою госпожу:

— Госпожа, это...

Ся Хань же выглядела совершенно спокойной, и, странным образом, она не находила эту сцену нелепой.

Линь Юнь закапризничала, и её нужно было успокоить.

Если бы это было до прошлой ночи, Ся Хань, возможно, даже не взглянула бы на такую Линь Юнь, позволив ей самой разбираться со своими капризами. Но после ночи, когда они поддерживали друг друга изо всех сил, и последующего недоразумения, Ся Хань теперь действительно не могла быть с ней жёсткой.

Цандун подождала некоторое время, но не получила ответа от своей госпожи. Она уже начала беспокоиться, как вдруг Ся Хань махнула ей рукой:

— Цандун, выйди.

И она послушно покинула гостевой дом.

Однако после того как Цандун ушла, Ся Хань осталась один на один с затылком Линь Юнь и не знала, как начать разговор — она не была неопытной в утешении, но, учитывая её статус, таких ситуаций было не так много. Кроме утешения детей, она утешала только одного человека, и тот опыт нельзя было применить здесь.

В гостевом доме царил тишина. Если бы не звук шагов Цандун, Линь Юнь могла бы подумать, что Ся Хань тоже ушла, и она осталась одна.

Через некоторое время Линь Юнь не смогла больше притворяться. Не то чтобы ей не хватало терпения, просто ей было действительно плохо. Она с трудом опёрлась на кровать и села, и даже это небольшое движение вызвало у неё головокружение, дыхание стало тяжёлым — это тело было слабее, чем она ожидала!

Она с горечью подумала о теле Линь Юнь, и в болезни стала немного более уязвимой. Ей стало ещё больше хотеться домой, и она пожалела, что вчера, из-за страха перед возвращением, предложила укрыться в этом древнем храме от дождя. Если бы они продолжили путь под дождём, пусть даже в неудобстве, они бы не столкнулись с разбойниками, и, что важнее, если бы не эта задержка, она бы уже была в городе Синьчжоу.

Она отвлеклась на разные мысли, чтобы не думать о боли и дискомфорте. Но тело её было слишком слабым, и, едва сев, она уже начала терять равновесие.

К счастью, в комнате она была не совсем одна. Увидев, что Линь Юнь теряет равновесие, Ся Хань поспешила поддержать её. Однако, только что поддержав, она услышала, как Линь Юнь, скривившись, крикнула:

— Отпусти!

Ся Хань никогда раньше не кричали, она испугалась. Отпустив, поняла, что случайно надавила на раненое левое плечо Линь Юнь — лицо её, и без того бледное, стало ещё бледнее, на лбу

выступил пот, и через мгновение белая рубашка промокла, прилипнув к худой спине, делая её ещё более хрупкой.

Сделав доброе дело, но получив плохой результат, Ся Хань почувствовала себя неловко.

Линь Юнь перетерпела боль и посмотрела на своё левое плечо. Она спешно обработала рану прошлой ночью, но, возможно, из-за потери крови или долгого воздействия дождя, новая рана, на которую Ся Хань так неосторожно надавила, не начала кровоточить.

Интуиция подсказывала, что что-то не так, но у Линь Юнь не было сил разбираться. Она забыла о своих капризах, повернулась и сердито посмотрела на Ся Хань:

— Госпожа, вы действительно неуклюжая.

Ся Хань, обычно не склонная к ссорам, особенно с незнакомыми людьми, на этот раз не могла возразить, так как была виновата. Она задержала взгляд на плече Линь Юнь:

— Прости, я была неосторожна. Как твоя рана? — Сделала паузу и добавила:

— Я слышала, что если рану не обработать должным образом, она может ухудшиться, и начнётся лихорадка...

Линь Юнь, у которой от жара уже путались мысли, с опозданием поняла смысл сказанного. Она вспомнила, как прошлой ночью спешно протёрла рану рубашкой и наложила лекарство, и тоже начала беспокоиться. Хотя всё ещё чувствовала себя плохо, сказала:

— Тогда выйди, я сама посмотрю.

Ся Хань, услышав это, почувствовала облегчение и, не раздумывая, согласилась, быстро выйдя из комнаты — дверь гостевого дома ещё не успели починить, осталась только пустая рама, и она могла постоять у двери, чтобы охранять её.

Линь Юнь, только что увидев, как Ся Хань уходит, вдруг заметила, что дверь исчезла. Её дыхание замерло, лицо стало выразительным, и она чуть не позвала Ся Хань обратно, чтобы снова устроить сцену — хотя она могла представить, почему дверь исчезла, и понимала намерения Ся Хань, но раздеваться при открытой двери было крайне неудобно!

Через некоторое время она глубоко вздохнула и всё же повернулась, чтобы снять свою рубашку. Осматривая рану, была предельно осторожна, боясь, что кто-то подсмолит.

Ся Хань ждала за дверью долго, так долго, что уже начала думать, будто Линь Юнь снова потеряла сознание. Даже когда Цандун вернулась с завтраком для Линь Юнь, в гостевом доме всё ещё не было никаких звуков.

Цандун несла коробку с едой и, увидев Ся Хань за дверью, удивилась:

— Госпожа, почему вы снаружи?

Ся Хань не стала объяснять, только оглянулась на пустую дверную раму и взяла коробку у Цандун. Она всё ещё беспокоилась, поэтому подошла к двери:

— Ты в порядке?

Голос Линь Юнь раздался через некоторое время, глухой и слабый:

— Со мной всё в порядке.

Ся Хань немного расслабилась:

— Могу войти?

Не услышав отказа, вошла в гостевой дом с коробкой в руках. Посмотрела на Линь Юнь, увидела, что на бледном лице её брови сдвинулись, и поняла — рана, вероятно, не так уж и безобидна. Однако Линь Юнь ничего не сказала, и у Ся Хань не было права спрашивать. Она только надеялась, что охранники, отправившиеся в Синьчжоу, поспешат и привезут врача.

Капризы Линь Юнь быстро прошли. Хотя прошлой ночью она была обижена тем, что Ся Хань её оттолкнула, утром, увидев, как та беспокоится у её кровати, она уже почти забыла об этом. После небольшой сцены она успокоилась и, увидев, что Ся Хань принесла еду, не удержалась:

— Что ты принесла?

Ся Хань сама ещё не успела спросить Цандун, поэтому просто поставила коробку на стол и, под взглядом Линь Юнь, вынула тарелку густой, ароматной... каши.

Любительница мяса Линь Юнь сразу потеряла интерес, и её вытянутая шея снова опустилась. Она мысленно поморщилась, ещё не попробовав кашу, но уже почувствовала её пресность, даже во рту появился горький привкус — это было не совсем воображение, ведь перед пробуждением Ся Хань уже дала ей горькое лекарство.

В общем, Линь Юнь абсолютно не интересовалась этой кашей. К тому же она не чувствовала голода из-за болезни, поэтому просто проигнорировала тарелку, будто ничего не видела и не спрашивала.

Ся Хань сразу поняла, что задумала Линь Юнь, это было несложно, потому что она снова увидела в ней черты старого знакомого... Подобные ситуации случались и раньше, но впервые она задумалась. Если раньше это можно было объяснить тем, что её отец научил Линь Юнь подражать, чтобы угодить ей, то сейчас, когда она была больна и ранена, зачем ей этим заниматься?

И это было не подражание. Это было её естественное поведение, то, что она делала всегда!

Авторская ремарка:

Линь Юнь — на грани разоблачения...

Линь Юнь закапризничала, и её нужно успокоить.

<http://bllate.org/book/16383/1482898>